

Павличка!

"Онлайн-роман" по-советски:

история семьи в письмах 1945-1981 г.г.

Лилия Апарович Павлинька!

<https://litres.ru/73882533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга – не вымысел автора. Это документальная история в письмах реальных людей, живших почти столетие назад. Обнаруженные случайно в старом военном чемодане послания на пожелтевшей от времени бумаге словно сами просились быть опубликованными: так стройно просматривается в них судьба семьи.

Лидушка, молодая доктор в Алма-Атинской эвакуации, не может дождаться супруга Павла домой и после победного 1945-го. Он служит в советских войсках на территории освобождённой Польши. Пара познакомилась в 1941-м и, вырвав у войны короткую встречу, поженилась. Так начинался их растянувшийся на долгие годы мучительный «онлайн-роман» по-советски – в письмах.

Расстояние и периодическое отсутствие писем от дорогого Павлиньки погружает душу в мрачные глубины недоверия. Стоит ли доверить своё будущее мужчине, с которым находишься в разлуке долгие годы и который постоянно предъявляет причины, мешающие приехать домой хотя бы в короткий отпуск?

Ответ – на обнаруженных в старом сундуке пожелтевших листах.

Содержание

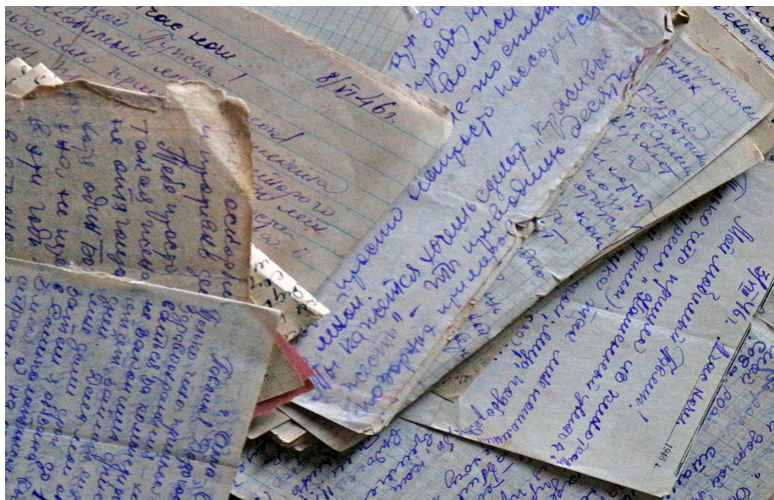
ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. ПИСЬМА ИЗ СТАРОГО ВОЕННОГО ЧЕМОДАНА	5
ГЛАВА I ЛИДУШКА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лилия Апарович Павлинька!

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. ПИСЬМА ИЗ СТАРОГО ВОЕННОГО ЧЕМОДАНА

Эту книгу я не писала. Я подсмотрела её. А заодно – и чужие судьбы, складывающиеся на протяжении четырёх десятилетий. Подсмотрела в «замочную скважину» старых, пожелтевших от времени писем, попавших в мои руки совершенно случайным образом.

«Милый мой, милый!», «Павлинька!», «Мой Павлюшенька!» – так начинаются добрых шесть десятков посланий 1945-1947 годов. Подписаны они некоей «Лидушкой». Письма почти вековой давности – та самая «замочная скважина», через которую будто льётся свет в чужую жизнь, наполненную страстями, будоражащими их читателя и сегодня.

Так и вижу её в жёлтом свете мерцающей на столе керосинки: молодая женщина лет 23-х сидит за столом, придвинутом к окну. Лидушка! Изящная головка подперта одной рукой, в другой – чернильная ручка. Поздний вечер уже, почти полночь. Завтра с утра на работу, в родильное отделение клиники, но спать ложиться она не торопится, пишет очередное письмо. Их уже целая стопка на столе. Завтра нужно отнести на почту, отправить. На дворе – холод, голод и нищета. Хотя здесь, в Алма-Атинской эвакуации послевоенные лишения чувствуются намного меньше.

В письмах этих – её настоящая жизнь, вернее, её надежды на то, что всё, о чём пишет, чем делится и о чём мечта-

ет, однажды выльется в реальность и захватит, унесёт. Она однажды уже вкусила её, своей «настоящей жизни», – в самом начале войны, когда только познакомилась с тем, кто очень скоро стал её мужем, и с кем жизнь разлучила потом на долгие пять лет. Был «свет в окошке» – короткая встреча в Андигжане в мае 1943 года, о которой она постоянно вспоминает, как о волшебном сне. Увы, окончание войны не сулило супругам воссоединения.

Комната её неуютна, по-спартански скромна: письменный стол, стул, кровать. На стене, оклеенной цветастыми и уже подвылинявшими обоями, на гвоздике висит любовно вышитое Лидушкиными руками саше, в нем – письма от того самого дорогого мужа Павлинки. Относящиеся к этому временному периоду они, к сожалению, до нас не дошли.

Лидушкины же письма, как и письма других героев этого удивительного документального романа, из которых понятно, как сложилась дальнейшая судьба супругов, проделали долгий путь, прежде, чем попасть ко мне в руки.

Изначально они долгие десятилетия хранились в старом чемодане времён Великой Отечественной войны.

...Журналистская жизнь полна удивительных встреч, сюрпризов и находок! Работая корреспондентом в районной газете, я выбрала себе стезю автора так называемых «сторис» – публицистических зарисовок о человеческих судьбах. И как-то героем одной из моих душевных «нетленок» стал Анатолий. До мозга костей горюжанин, бывший военный,

выйдя в отставку, он решил перебраться на постоянное место жительства в глухую белорусскую деревушку. К переезду подошёл основательно: поставил новую бревенчатую эко-избу и наполнил её раритетной деревенской утварью, которую долгие годы собирал, где мог. Таким образом приобрёл однажды в областном центре старый чемодан военных времён. Осматривая его, приподнял крышку, а там – стопки мелко и часто исписанных жёлтых, уже почти рассыпающихся в руках бумаг. Взял несколько сверху, попробовал прочесть и... не смог оторваться.

С его слов, законный хозяин всего этого добра был потрепанной жизнью мужичком лет сорока с лишним. Продавая чемодан, он приподнял крышку и безжалостно расстался со своим наследием: сказал, мол, если тебе надо – забирай и эту писанину, от отца она осталась, мне не нужна.

Так письма оказались у Анатолия. Но ко мне попали не из его рук. Во время нашей встречи он рассказал, что читал их, и чувства пронизывали его насквозь. Делился совершенно ошеломлённо: «Так любить сейчас не умеют! И тем более – так откровенно, незащищённо и искренне говорить о своей любви!» Документальный любовный роман в письмах почти вековой давности! Я обомлела – вот это сокровище! Но Анатолий на то время уже успел отдать их моей коллеге. Благо, мы с нею были знакомы, и мне письма удалось выпросить.

Но впечатлена она оказалась совсем иным: «Вот воспи-

тание было! Вышел заму́ж – и мучайся целую жизнь! Ладно, всю войну верно прождала. Но ведь уже столько мирных месяцев миновало, а он нос домой не кажет, пишет редко! Созависимость какая-то, а не любовь!»

Всё это имеет место быть. Но не торопитесь с выводами! Лично у меня после прочтения полного содержимого старого чемодана сложилось, видимо, немодное сегодня, но совершенно другое мнение. Будто ровесницы Лидушки знали какую-то, нынче не каждому доступную, тайну полноценного бытия и готовы были платить за настоящую любовь её истинную жертвенную цену, учась принимать и обратную сторону любви – страдания.

Хочу сразу сказать, что подлинно в письмах всё. На сайте "Память народа" есть страничка того самого Павлинъки – Павла Михайловича Жуковицкого, 1922 года рождения. В звании лейтенанта 15 декабря 1941 года он ушёл на войну. Лида в своих письмах описывала этот горький день их прощания. Я долго пыталась отыскать наследников этого духовного богатства, публиковала о бесценной находке материалы в региональной и республиканской прессе с просьбой откликнуться, делала всевозможные запросы. Но – тщетно. Быть может, им попадётся на глаза эта книга и они откликнутся? Хотелось бы узнать дальнейшее продолжение этой невероятной любви в судьбах внуков и правнуков пары.

...Существует много «книг в письмах», составленных на

основе переписки известных людей с их близкими, дорогими и возлюбленными. Далеко не всегда они – о душевных переживаниях. Их ценность – в деталях, подробнее раскрывающих автобиографии знаменитостей, иногда, если речь о политиках, – в возможности соприкоснуться с малоизвестными историческими фактами. Здесь – другая история, и это история души, история нескольких душ, объединённых общими переживаниями. Это – история о преодолении, о собственном мире чувств, куда герои бегут от жестокой действительности. Это – история о том, что в любые времена остаётся вечными ценностями, даже если мы, люди, об этом забываем, – о верности, чести, о вере в свои идеалы и в надёжность плеча близкого человека, о неизменности глубоких искренних чувств.

Письма написаны почти идеально грамотно, что позволяет сделать вывод – их авторы люди образованные, хорошо владеющие словом, мышлением, и – даже не без таланта. У каждого письма – свой эмоциональный лик, каждое представляет законченный сложный образ, отдельную главу и книги, и жизни автора послания. Мне практически ничего не пришлось править, разве что совсем чуть-чуть. Например, я разбивала на части слишком длинные предложения – такие пишут люди, переполненные эмоциями. Нередко сокращала... пятнадцать восклицательных знаков до двух-трёх, убирала бесконечные многоточия.

Мой любимый Гвенит!

Только что пришел из библиотеки
своей рюкзак "Кашемировый улитка"
(Улиточный рюкзак).

Далин, рюкзак так же понравился
тебе, мой дорогой; мне, наоборот,
роги, оседленно глаза!...
целое море всевозможных
во мне...

Господи, как мне хотелось
мне одиночество, мне уже
не под силу его пережить,
но ты держишь, ты ограда,
ты светлая и ты совсем меня
не покинешь... а мне так
хотелось, хотелось, ты уже
близко, почти так же невозможно

Уж простите, сочла необходимым вырезать чересчур
откровенные эротические описания переживаний героев (ну
кто сказал, что в Советском Союзе не было секса?!).

Иногда всё же я замираю от мысли, что письма попа-
ли ко мне в руки не случайным образом. И в мире существу-
ют силы, объяснить действие которых мы пока не обла-
даем возможностями. Удивительно: в письмах отражён не
просто кусочек жизни их автора, а относительно закончен-
ный период – целая эпоха в судьбе разлучённой войной мо-
лодой семейной пары. На вопросы, возникающие в процес-
се чтения писем 1940-х годов, находятся ответы в посла-

ниях 1960-1980-х. Мало того – в одном из почтовых конвертов, проштампованных 1960-ми годами, лежало 2 фотографии. На одной – мужчина, чернявый, худощавый, в военной форме, с интеллигентным лицом. Это Павел, на обратной стороне карточки есть подпись. На второй фотографии темноволосая курчавая, с короткой, выше плеч, стрижкой, женщина лет тридцати пяти. Фотокарточка не подписана. Но если предположить, что это Лидушка, то странный замысел провидения принимает законченные очертания. Будто кто-то специально сложил эти письма в судьбу, да ещё приложил фото главных героев, для полноты картины. Словно очень желал, чтобы о коллизиях жизни этих людей узнали потомки...

И в таком случае я приступаю к исполнению воли этого кого-то.

Лилия АПАРОВИЧ.

ГЛАВА I ЛИДУШКА

Дата в письме не указана.

«Мой Павлюшенька!

Мой самый хороший Павлик, мой дорогой и самый-самый красивый Медвежонок!

Я вот уже 5 раз ходила смотреть американский фильм: «Весенний вальс» и только потому, что герой фильма удивительно похож на моего Павлика!

Гарри и Павлик – это двойники. Герой фильма – высокий, стройный, в военной форме, а лицо просто удивительно похоже на твоё.

Можешь себе представить, как я смотрела эту картину, как переживала каждое движение артиста, когда он всем-всем напоминал лик самого дорогого в жизни для меня!! И это не показалось мне, нет. Даже Галина признаёт поразительность сходства тебя с этим артистом!

Хороший мой Павлик, я люблю, я соскучилась! О, Господи! Где конец моим мучениям?!

То я просто беснуюсь от тоски, то я почему-то не верю в возможность нашей встречи, то я не верю в твою любовь, хотя у меня для этого нет совершенно никаких поводов. Но я, как самый скупой рыцарь, дрожу при мысли, что имею большую драгоценность – твою любовь, и страшно боюсь её потерять. И вот мой больной мозг рисует мне всевозможные

отвратительные варианты. Ну и, наконец, меня одолевает самая невыносимая тоска в самом полном и глубоком смысле этого слова. Меня загрызает ревность, мне мерещится твоя измена, рождается недоверие к тебе. И тогда я должна принять единственное лекарство – перечитывать снова и снова твои письма, надписи на фотографиях. Я начинаю очень внимательно изучать твои слова, даже почерк – мне кажется, если бы ты был нечестен, то почерк не был бы уверенным и ровным, а фразы – стройными и правильными.

Я чуть ли, не в лупу рассматриваю твои фотографии, и мне кажется, что эти милые глаза не могут лгать, что они неспособны меня обмануть!

Павлик! Павлик! Забери меня к себе, забери, забери, забери! Я согласна сидеть в Познани в ожидании пропуска, но быть на 10.000 километров ближе к тебе, чтобы яснее слушать стук твоего сердца и чувствовать – в нём нет фальши!

Павлик! Возьми меня к себе! Возьми, возьми, забери....

Я показывала справку Василию, он говорит, что она может тебе помочь в получении отпуска. Я верю в это и мало надеюсь в то же самое время.

Следом я пошлю справку ещё основательнее и трагичнее – что бы ты что-либо предпринял.

Я хочу, чтобы ты приехал! Я не могу умирать! А если ты долго не приедешь, то это может случиться.

Мне тяжело, мне трудно. Но лучше смерть, чем муки!

Мой Павлик! Делай что хочешь, но вырвись в отпуск, я

хочу быть с тобой, и ты сам в этом виноват!

Люблю, целую, твоя жenuля.

Посылаю фото нашего изолятора» (*написано на полях последнего листа письма*).

(Письмо написано наискосок листа).

«19/VIII45 г.

Мой милый, милый!

...Только ты шлѐшь мне чудные мечты,

Только ты даришь мне прекрасные сны...

Эта строфа очень соответствует действительности, эти слова – чудная правда.

Вот получила я вчера твои письма, и мечты о будущем за-слонили мне все невзгоды настоящего, а ночью мне снились прекрасные сны, что мы были с тобой вместе, ты дарил мне так много ласк, а я задыхалась от счастья и радости...

Я видела тебя сегодня, почти настоящего, живого, горячего и почти обезумевшего от радости встречи. Мне не хотелось пробуждаться, но ты меня так ласкал, что мне было очень больно, я уже умоляла тебя дать мне вдохнуть: «Пав-линька, ты мне сломал уже все косточки, я устала, отпусти меня на несколько минут, а то я задохнусь». А ты смеялся и все обнимал и носил на руках.

«Нет, не отпущу, ты во мне сомневалась, ты не верила в меня, ты в сердце моём сомневалась, так вот я хочу тебе до-казать свою любовь, я замучаю тебя за то, что ты смела во

мне сомневаться!»

Да, после таких ласк я действительно не в состоянии была уже сомневаться, я едва осталась живая и скорее поспешила проснуться. Мне хотелось ещё видеть тебя, но боясь за свою жизнь, мне все-таки нужно было проснуться.

Всё утро и весь день я ходила как опьянённая встречей с тобой. Так ясны были эти ласки и их жар – я переживала всё это почти сутки. Казалось, ты ушёл из дома на 5-10 часов, вот-вот вернёшься и подаришь мне опять такую чудную ночь, какой стала сегодняшняя, какая была в Абиджане в нашей маленькой комнатке, под большим деревом ореха. О, это были поистине наши медовые дни! Такого мёда и золотые пчёлки делать не умеют!

Мой Павлинька, я люблю тебя, ой, как люблю! Не знаю, любит ли ещё кто-нибудь ещё так на свете кого-либо, как я тебя.

Ну что мне моя жизнь без тебя?! Это тяжёлая ночь в пустыне, лишённая жизни и влаги...

Я всё буду переносить только ради нашей любви, только ради нашего будущего с тобой!!

Ведь правда, что ты будешь мой и только мой?!

Обнимаю....

Целую...

Преданная и верная

твоя Лидушка,

твой лапушек».

(Письмо написано наискосок листа).

«19. VIII.45 г.

Павлинька!

Время 11 ч. вечера. Твоя жenuля только пришла – она ходила гулять с 3-мя коллегами-врачами: Моисеем, Сюней и Николаем. Я встретила их случайно, возле драмтеатра, они забрали меня и не отпускали. Стали угощать яблоками, мороженым, попросили: «Лизонька, составь нам компанию, идём пить пиво в 1 ресторан, а потом пойдём в кино».

От драмтеатра началось наше путешествие в поисках пива. Мы пришли в столовую НКВД – нет пива, пришли в ресторан – нет пива, пришли в кафе «Лето» – нет пива. Тогда пошли в летний кинотеатр смотреть «Музыкальную историю», а затем, медленно гуляли, наслаждаясь чудесным Алма-Атинским вечером. Они проводили меня до дома, дали мне полные руки яблок, галантно раскланялись, поцеловали мне руки и расстались.

Время 11 ч вечера. Из Москвы передают хороший концерт, а я хочу поговорить с тобой, хочу уговорить тебя явиться сегодня ночью ко мне, т.к. я очень этого хочу, я очень соскучилась, и это особенно ощущается под музыку Глазунова из Москвы. Ой, как бы я хотела и сегодня видеть тебя во сне!

Сегодня, наконец, пришла ко мне твоя мамаша – ведь она очень долго и носа не показывала. И я тоже на неё была очень сердита.

Крепко целую. Твоя Лидушка».

«25. VIII.45 г.

Павлинька!

Любимая моя мушка, ну, когда, когда ты приедешь в отпуск, когда я наконец, смогу взять твою милую голову и бесконечно долго смотреть в твои добрые глаза? Когда я буду иметь право прикоснуться к ним своими губами, когда я буду целовать твою «умную лысинку» и повторять тебе: «Мой единственный Павлик, мой любимый медвежонок, я соскучилась, я истосковалась, я люблю тебя, мой неуклюжий крокодильчик!»

Когда, когда это будет!?

Пусинька мой, я не хочу писать о жизни – она противна и ужасна, но я живу, потому что люблю тебя, живу ради будущего счастья с тобой, ради нашей любви, ради нашей семьи. Ради наших деток с бусинками вместо глаз...

Какая счастливая Мария, у неё есть крошка-Наталка! Какая счастливая Вера – у неё скоро будет малютка. Даже Мальвина – и та собралась стать мамашей, и у них у всех счастливые улыбки будут как на той открытке, что ты мне прислал. Ну, когда это мы получим право на такое счастье, на такую жизнь? Ну, когда ты возьмёшь меня к себе, когда кончится моё заточение, моя каторга? Ой-ой, как я устала от этого монотонного существования!

Павлинька, я давно собираюсь попросить тебя купить мне

побольше ниток для вышивания – цветных и простых, ведь я увлекаюсь вышиванием. У нас такие дорогие нитки, что к ним нельзя подступиться – моточек (20 метров) стоит 35 рублей. А ты вот столько посылок послал, а ниток не догадался послать. В первой посылке в коробочке немного было – так я их использовала в вышивке букета цветов на чёрном атласе, это тебе подарок – диванная подушка. Вышила красивую сумку (саше) для твоих писем, и много-много другого. Так что по возможности побольше ниток купи, это будет очень ценный подарок мне. То, что ты называешь тряпками, стоит очень дорого у нас. Например, одеяло, которым я укрываюсь (ты его прислал), стоит у нас 5 тысяч, а скатерть – полторы. Так что ты очень неудачно называешь всё это тряпками. Для нас они слишком дороги. Мы настолько обносились, что понадобится много лет, чтобы заработать и прилично одеться.

Почему ты мне ни слова не сообщил, при каких обстоятельствах ты оставил свои вещи под кроватью? И нашлись ли они затем? Что это за забывчивость? Ты смотри, аккуратнее с часами, которые купил мне в подарок, не потеряй! Ведь самой мне такие никогда в жизни не купить, для этого нужно несколько тысяч. Ну, на сегодня хватит, это письмо чисто хозяйственное, но я очень редко пишу тебе такие письма.

Целую крепко-крепко. Твоя Лидуша».

(Притиска):

«Отправляю тебе серию старых писем, неопубликованных

в связи с ожиданием тебя самого в отпуск».

«28/VIII 45 г.

«Мой дорогой Павлинька, моя любимая Мишка лохматая, доживаю здесь свой отпуск.

Я, наконец, должна решить вопрос в ту или иную сторону о поездке в Ригу. Я уже получила правительственный вызов Совнаркома Латвии. Вопрос у меня упирается в твоё решение, твой совет, твоё желание. И вот в последних 2-3 письмах ты пишешь, чтобы я ехала в Ригу, тогда мы скорее увидимся с тобой.

Любимый мой, ведь ты хорошо знаешь, что если бы мне сказали, что я должна буду поехать в Индию, к дикарям, чтобы увидеться с тобой, то я не колебалась бы ни одного часа и отправилась бы в эту Индию к моему Павлику. Ты пишешь, что если я буду в Риге, то мы можем скорее встретиться. И я решила ехать в Ригу. Ты разрешаешь и желаешь, значит, так и будет. Завтра иду к латвийскому представителю заявить ему о своём решении. Результаты сообщу завтра-послезавтра.

Павлюсик, а ведь если на твоих документах будет надпись «отчислен в запас...» – это очень серьёзная вещь, значит, ты приедешь вроде туриста, и тебе нужно будет начинать новую жизнь. А потому мне никак нельзя отправляться работать в район, т.к. это может оказаться слишком рискованным и роковым для нас с тобой. Из этих соображений я и решила по-

жертвовать всем и рискнуть ехать в Ригу. Может быть, мне удастся хорошо устроиться в небольшом городе Латвии, чтобы мы могли начать там свою совместную жизнь. Я надеюсь, как только я доберусь до Риги и «осяду», ты постарайся под любым «соусом» попасть ко мне на несколько дней хотя бы – мы должны о многом говорить и принять решения.

Полагаю, увидеться мы сможем скоро – или ты приедешь в отпуск, или, наконец, тебе устроят командировку на несколько дней, и только после того, как мы с тобой разрешим массу серьёзных вопросов, ты вернёшься к себе в часть, и тогда уже будет какое-то окончательное решение нашей дальнейшей жизни. Я очень много думала, беседовала с людьми, консультировалась с Василием (Галина любовь). Я многое теперь понимаю, но мне нужна беседа с тобой.

Радиоприёмник и велосипед я тебе не советую пока продавать, воздержись.

Меня ужасно поражает, почему ты не получаешь моих писем – я их отправляю и «издаю» просто «тиражами». Вообще почта сейчас работает преотвратительно – чёрт знает, чем это объяснить.

Ты просишь ждать тебя. А разве я не жду, мой любимый, четыре года?! Разве не ради тебя я так тщательно обдумываю свой следующий жизненный шаг?! Я хорошо знаю: если ты останешься в армии, мне будет безразлично, куда с тобой ехать. Но если тебя демобилизуют, значит, нужно всё решать иначе, значит, я должна быть в городе и устраиваться фун-

даментально. Вот поэтому я решаю так долго эту задачу.

Целую крепко-крепко.

Твоя Лидушка».

«29/VIII 45 г.

Павлюсик!

Сегодня я опять видела тебя ночью. Как хорошо мне было хотя бы во сне сознавать, что я с тобой вместе, мой дорогой.

Хотела сегодня сходить к латвийскому представителю, но не удалось, т.к. была занята паспортом – продлила срок годности до 1946 года, до августа. Позавчера ходила в Наркомздрав к представителю – не застала его, но завтра надеюсь видеть его обязательно и узнать всё в отношении пропуска в Ригу. Ой, как много хлопот!

Павлинька! Родной мой, не отчаивайся и не печалься из-за резолюции на своих документах. Какой бы она ни была, ты должен всегда видеть рядом с этой резолюцией моё любящее и верное сердце, твою Лизушку, которая вместе с тобой рука об руку пойдёт по направлению любой резолюции, потому что я очень сильно и искренне люблю тебя, мой Павлик».

(На обратной стороне листа крупно):

«Как жаль, что мать твоя этого не ценит!

Подумай сам над этим малюсеньким тёплым листком.

Лидушка».

«г. Алма-Ата

30/ХІІ 45 г.

Мой дорогой Павлик!

Вот уже двое суток, как мы с мамой дома в А-Ата.

Получили твою последнюю посылку и 6 шт. писем.

Почва окончательно ушла из-под моих ног, когда я прочла твои письма: ты совсем не обещаешь быть дома – о! Боже, какой это страшный приговор для меня!

Я не могу тебе передать своего состояния – не умею, но больше уже невозможно томить меня этим диким одиночеством. Я не могу больше жить без тебя, мне тяжело, мне трудно! Я ненавижу все эти воинские порядки и правила за то, что они не дают тебе права на отпуск домой. Раз не приедешь ты, забирай меня к себе – куда угодно, куда хочешь и как хочешь... Я не могу больше жить так!..

Хлопчи каждый день с утра до вечера – но забери меня к себе или, в крайнем случае, хотя бы куда-то поближе. Дальше такой жизни я терпеть не могу. Говорю тебе самым серьёзным образом – хлопчи о моём выезде к тебе, я не хочу больше твоих отговорок, а одна жить больше не могу и не хочу!!!

Твоего бестолкового отпуска я никогда в жизни не дождусь – забирай меня к себе, каких трудов это тебе не стоило бы!

Нет, я больше не могу тебе сегодня писать, т.к. могу напороть грубостей и глупостей – но во мне кипит досада и злость на тебя за твои отсрочки, которые замучили меня оконча-

тельно. Я уже на человека не похожа из-за тебя и твоего отпуска. Забирай меня к себе, я умоляю тебя во имя своих чистых больших чувств к тебе, во имя нашей любви.

Или ты должен приехать, или взять меня к себе теперь же, в самом скором будущем.

Ну что ты наделал со мной?!

Идиот ты такой!

Мне представлялся случай выехать в Ригу и быть так близко от тебя, так ты своим бестолковым отпуском и письмами: «Сиди дома, я еду!» испортил всё дело, а теперь маринуешь меня в соусе из «отсрочек» в течение четырёх месяцев. Забирай меня к себе, забери, забери, забери, забери!

Я, наконец, не верю, что ты не можешь получить отпуска. Просто ты не хочешь, чтобы мы были с тобой, просто тебе не трудно и не скучно, как мне, значит, ты не один, а потому и крутишь мне голову тем, что не дают отпуска. Отпуска дают!! И люди едут!! А ты не едешь, потому что не хочешь!!

А если это так, то советую быть честным и сказать мне об этом, чтобы я могла свести с тобой счеты за это!

Не хочу я больше писать тебе сегодня. А завтра или послезавтра я пойду к солдату, который приехал из твоей части, и я его заставлю говорить мне всё, что числится за тобой в грехах, потому что я уже с ума схожу от этого бесконечно-го одиночества, а ты меня хочешь удовлетворить ласками и словами в письмах – не нужно мне этого, я хочу жизни!

Я жить хочу, и небо коптит мне надоело, хлопочи отпуск

или забирай меня – ничего другого слышать не хочу, не желаю.

Спокойной ночи.

Целую так и столько, чтобы пронять тебя хорошенько, мумия ты египетская, чтобы ты так же мучился и изнывал, как я.

Твоя начинающая сходить с ума жёнушка Лидушка».

«2/1 46 г.

Вот уже и 46 год пошёл.

Чёрт знает, как они летят, и в то же самое время – ползут!

Пошёл пятый год нашей разлуки, и я совсем не уверена, что он станет последним! Вот насколько я уже потеряла надежду на нашу встречу!

Павлинька мой! Сегодня мать принесла мне твоё письмо за 13/XII. Я читала и плакала – ты заранее поздравил меня с днём рождения, значит, ты даёшь мне понять, что и этот, пятый день рождения моего я должна провести в одиночестве. Как больно и досадно осознавать это!

Ну, в таком случае я начинаю хвататься за дела с другого конца. Я еду в Польшу!!

Наплевать мне на трудности дороги и жизни в Польше – меня этим не слишком удивишь и испугаешь. Я четыре года войны перенесла в куда более тяжелом режиме, чем ты себе представляешь, а поэтому пойду на все пытки – лишь бы быть с тобой, мой любимый!

Я согласна кушать с тобой одну порцию борща из солдатского котелка, мне хватит половины пайки твоего хлеба – только бы быть с тобой, чувствовать твою близость, твои ласки, смотреть в твою душу, сердце и милые глаза бесконечно долго и много. И я не буду чувствовать, что мне трудно материально или голодно.

Забирай меня к себе, шли вызов, или я пушусь в этот путь прямо сейчас, пешком! Я не могу больше жить без тебя, я не могу больше жить одна, я устала, мне надоело, я не хочу быть одна, не хочу, не хочу, не хочу!!! И ещё 1000 раз не хочу. Забирай меня к себе, больше я не хочу ни о чём думать.

Если я приеду в Польшу, а тебя там не будет, то ты оставишь в каком-то частном доме, на главпочтамте, у знакомых или у кого угодно (раньше уведоми меня о том) пакет со своими дальнейшими инструкциями для меня, и я, как нитка за иголкой, как твоя тень, буду следовать за тобой, я найду тебя и буду с тобой, мой Павлик. Я не возьму с собой никаких вещей, я даже не возьму мать, я одна поеду за тобой, куда угодно, – в Польшу, в Китай, на Северный Полюс, в Индию, на Курильские острова. Мне всё равно, я не могу жить без тебя! Никакие трудности меня не страшат, и я больше не хочу о них слушать, и ты меня ими не пугай!

Поторопись и вышлай вызов и справки, обязательно – отношение из Полка из Штаба, что они ходатайствуют и просят Наркомздрав КазССР откомандировать врача Л.С. в расположение воинской части по месту работы мужа.

Я, конечно, попытаюсь ещё помочь тебе в отношении получения отпуска – пошлю тебе кошмарные справки о болезни матери (мнимой). Но если у тебя ничего не получится, постарайся немедленно поставить меня в известность и высылай вызов – я буду начинать двигаться!

Думай об этом и не мешкая действуй, я не желаю больше жить так, как четыре с лишним года!

Я сейчас занята проблемой остаться и дальше проживать и работать в Алма-Ата, это очень нелёгкая вещь. Завтра пойдём с Василием в Наркомздрав ходатайствовать – он идёт в качестве моего мужа со справкой из Штаба Полка, что я его жена и просит оставить меня работать в А-Ате. Я не могу закрепитесь в районе, так как вот-вот начинается подготовка к посевной, и тогда мне будет очень трудно вообще вырваться из района. Василий – это Галинин жених, 20 февраля у них будет свадьба. Он – военный, капитан по званию, преподаватель в офицерской школе. Очень хороший и энергичный молодой человек, твой ровесник. Такой же верзилушка, как и ты, с голубыми глазами и курчавыми волосами.

Вот уж если бы ты меньше занимал в моём сердце места, так я, наверняка, влюбилась бы в Василька. Василий – белорус, весёлый и хорошо балакае на мове.

Павлик! Я очень хочу подарить Галине на свадьбу из белого шёлка, который ты прислал, 20 метров, – белое платье и ночную рубашку. А мне придётся здорово из-за этого ссориться с твоей матерью, она страшно жадная, и всё норовит

раздарить только своей родне. Перепрятала весь шёлк, и не кому-нибудь, а даже папе на рубашку не даёт. Мне так стыдно перед своей семьёй!

Мать твоя хочет абсолютно всё раздарить родственникам своим, кроме меня, и она не думает о нашем будущем так же, как и ты! Ты, например, пишешь, о подарках твоей многочисленной родне, а не думаешь о том, что твоя жена не имеет зимнего пальто и никакой обуви, и у меня нет ни одного тёплого тёмного платья. Я велю тебе написать очень серьёзное письмо матери, и пусть она воздержится от всяких подарков до твоего приезда – когда ты сам согласишься на жизнь, не с моих слов, а на многие вещи переменишь взгляд. Не думай, что я жадная, алчная или нехорошая – нет, ничего подобного! Я просто более реально смотрю на жизнь, чем ты.

Я совершенно не понимаю тебя, почему это ты вдруг не имеешь ни одного приличного штатского костюма, 2-3 хороших сорочки и пары красивых штиблет?! Например, у Василия, кроме семи прекрасных военных форм, есть ещё очень хороший серый костюм. На работе он военный, вне же её он бывает элегантно одетым штатским мужчиной. А в твоих понятиях, видимо, ты должен быть только в кителе с партушей, встать в 6 ч утра и подавать команду подъёма жене.

Я оставила белого шёлка тебе на 2 костюма – один военный белый китель, белые брюки и белые ботинки, а другой – белый летний спортивный костюм – совершенно штатский.

Так мать твоя распорядилась: дать 3 метра шёлка Наде, по

3 – Саре, Боре, Нельке и т.д. и т.д.

Вот это – неумные дела и чаяния. А я должна ломать голову, как достать и на что купить 10 метров шёлка для мужа. Когда вполне можно было бы обойтись, дав 3 метра тёте Наде, а Саре и всем остальным шёлк – вовсе необязательно.

Вот так и со многими другими её подарками.

Убедительно прошу тебя считаться со мной и спрашивать моего совета как у жены и велеть матери прекратить её мотовство. Потому что вещи тебе даром не даются и на дороге не валяются. Она мне ничего не даёт из тряпок, посему пусть никому не даёт. Напиши ей об этом непременно – пусть ждёт твоего приезда, тогда вместе всё и будете решать!

Ты мне колкость написал, что я очень гордая и не пишу тебе о том, что получила в твоих посылках. А я, кстати, до сих пор не знаю целиком их содержимого, потому что мать твоя не просто не дат мне из них чего-либо, она даже не показывает всего, что получила. О посылках узнаю только Post factum, т.е. через 2-3 недели после их прибытия и по какой-либо вещи на ком-нибудь из семьи, а такие факты, кажется, могут оскорбить всякого. Ведь с тех пор, как мать твоя стала «Рокфеллером», она меня вообще не считает за человека, достойного внимания и уважения, и даже больше на себя берёт – набирается наглости заявлять мне, что я своего мужа не увижу как своих ушей, что она разведёт нас с тобой! И всё это только потому, что ты вовремя так же, как и я, дали ей слишком много прав: ты сделал на её имя аттестат, высылаешь

все посылки на её имя, вот она и вознеслась высоко, не хочет признавать моих прав жены. И те же самые деньги – она могла получать их в тех же суммах, но через мои руки. Это же касается и посылок. А то мы совсем испортили старуху. Теперь нам будет трудно её перестраивать.

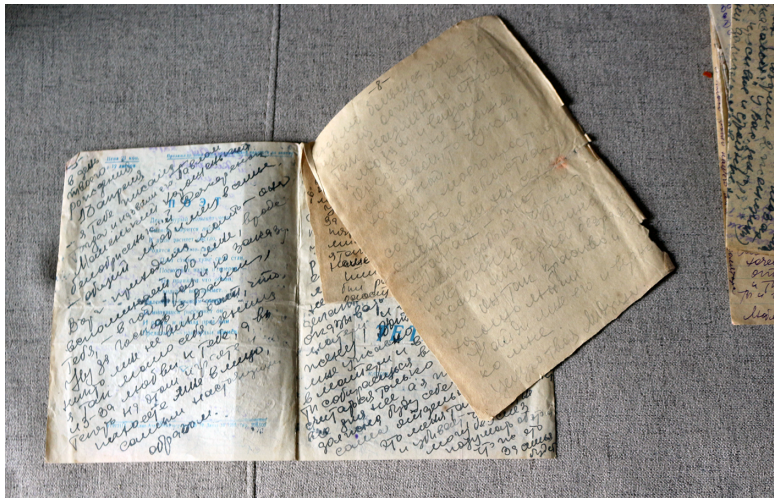
Ну, хорошо, это дело будущего, она мне уже все нервы вымотала своей роднёй, носится с ней как с писаной торбой и всё толкует, что ты им всем обязан по гроб.

Разбирайтесь сами с ней в своих делах! Я только хочу занять своё место. Я и сама в состоянии донести ей твои посылки с почты. Я ведь не пропью твои вещи – не бойся, и любовников у меня нет, и не бандит я с большой дороги. Не сердись на меня, я ничего не преувеличила, и ещё слишком мало открыла тебе качеств твоей матери-«миллионерши».

Целую крепко-крепко. Твоя Лидушка».

(На полях по вертикали):

«Мать также жалеет, что ты не выбрал себе еврейку – она и об этом мне говорит!!!»

«г. Алма-Ата

18/1 46 года

Милый Павлик!

Вот уж скоро месяц, как я живу в А-Ате. В Уштобе я уже не работаю. В больнице, где я работала, появилось много врачей. А сельский участок я отказалась принимать. Приехала в А-Ата с очень маленькими надеждами, но всё же хочу попытаться остаться в городе. Наркомздрав уже начал терзать меня. Я три раза была на приёме у своего директора института, просила его о помощи. В среду он сказал мне такие чудесные вещи, что я на двадцатом небе от радости: он оставляет меня в городе ординатором в клинике институ-

та! Родной мой, ты даже не представляешь себе, какое это счастье! Значит, через три года стажа я смогу попасть в аспирантуру при Академии наук. Т.е. смогу учиться дальше и заниматься большой научной жизнью и работами. Для меня это – большое счастье, ведь на тебя я вроде как даже не имею права рассчитывать. Мне постоянно твердит об этом твоя мать, что ты никогда не будешь принадлежать мне, что ты найдёшь для себя другую жену, а для неё – другую невестку.

Потому я теперь буду изо всех сил стараться остаться в клинике и смогу посвятить ещё 10 лет своей учёбе, буду находить в этом утешение. А потом уже муж найдётся какой-нибудь, обязательно – из тех, у кого за спиной нет такого тирана, какой есть у тебя в лице твоей коммерческой машины.

Правда, я ещё чуточку надеюсь на твою любовь и здравый рассудок, но мать говорит, чтобы я на это не рассчитывала, так как она думает заставить тебя думать своими мозгами (к слову говоря, престарелыми и поглупевшими).

Не сердись, что я так пишу о твоей матери, но я, наконец, уже не в силах и не в состоянии терпеть её тиранство. Я тебе напишу хотя бы один наш сегодняшний разговор с ней, после которого я едва нашла дорогу домой (а разговаривали мы с ней возле моего института). Дома меня просто заставили, наконец, тебе обо всём этом написать. Никто уже не может смотреть на мои слёзы из-за твоей матери, а ты всё ей спускаешь. Поэтому я вполне серьёзно должна поговорить с

тобой ещё до твоего приезда. Я знаю вполне точно, что когда ты приедешь, то говорить будет уже поздно, да и твою ма-тушку не переговоришь: она самая такая умница, что с нею никогда не договоришься.

Дело началось как всегда с пустяка – я попросила наво-лочку для перины, т.к. Галина выходит замуж через неделю и забирает все свои вещи. Половину перины она оставляет нам с тобой, но мне не во что пересыпать перо. Я думала, что имею право взять эту тряпку, не навлекая на себя гне-ва твоей мамочки. Но увы и ах. Она раскричалась, что я у неё всё забрала, что она ради спасения имущества начнёт в срочном порядке делить его между своей роднёй. «Нет, Вы этого не будете делать до приезда Павлика! Когда он прие-дет и посмотрит на всё вокруг, тогда пусть и раздаривает сам хоть чемоданами. А пока Вы подождёте делать эти глупости – раздаривать эти жалкие крохи того, что он имеет и чего он потом не скоро сможет себе купить». «Нет, по-твоему не будет! И вообще ты забудь, что твой муж будет в чём-то слу-шать твоего совета, жена! У него есть мать! Я буду главой семьи, всё в доме будет так, как я захочу! А ты будешь ему только женой. Всё будет, как я захочу и как я скажу! Вплоть до того, что будешь есть то, что я захочу сварить или пригото-вить. Ты будешь моему сыну наложницей, и будешь полу-чать милость из моих рук!»

Я бросила её на дороге и убежала домой, задыхаясь от слёз. Теперь я немного успокоилась, отупела от слёз и оби-

ды, вернее, дошло до полной апатии. Меня вынудили тебе всё написать, ведь всё длится примерно с год, но я обо всём молчала, надеялась на самоисцеление твоей матери, но его, видимо, не наступит, пока ты сам решительно за это не возьмёшься.

Если ты не хочешь превратить мою любовь к тебе в груды пепла и мусора, то принимай решительные меры. Я больше не намерена слушать подобные вещи из её уст, она доходит до крайностей. Я в праве думать, что здесь орудует не она одна, что здесь вся её родня в чём-то заинтересована. Может быть, им хочется оставить тебя себе в угоду, таким старым холостяком, как они все сами. Мать говорит, что события для меня развернутся с твоим приездом.

Как думаешь, мне всё это очень приятно слышать!?

Твоя мать окончательно сошла с ума, ей уже кажется, что она Рокфеллер со своими посылками и деньгами.

Я взяла у неё в долг 200 руб., т.к. уже полтора месяца не работаю в связи с переменной назначением. Мне нужно было в пошивочную мастерскую. Так она меня уже 10 раз в них упрекнула. Теперь я как только заработаю первую зарплату, сразу отдам ей эти 200 руб. Она говорит, что деньги по аттестату её, и я не имею права попросить себе ни копейки.

Реально! Раз и навсегда объясни матери, что она мать тебе, а я жена твоя. Напомни ей, что я твоя жена, ваш равноправный член семьи, и что наложницей твоей я никогда не была и не буду!! Объясни ей, и пусть она раз и навсегда за-

помнит, что не должна совать свой нос в нашу личную супружескую жизнь, потому что хорошего из этого ничего не выйдет, кроме вреда для неё и для нас.

Наконец, я уже несколько раз просила тебя мои письма адресовать ко мне домой: ул. Узбекская, 7, кв. 3

Я не хочу, чтобы мои письма читали все, т.к. иногда ты пишешь очень откровенно о таких вещах, о которых просто неудобно знать посторонним. А во-вторых, я вообще больше не собираюсь заходить к твоим родственникам, до самого твоего приезда, так как я наложница очень дорогая, и себе цену знаю.

Целую. Любящая тебя Лидушка.

Твоя законная жена, а не любовница».

«12 часов ночи

Лохматик мой!

Как тяжело у меня на душе после сегодняшнего дня, после крупного разговора с матерью, после письма, которое я писала тебе сегодня днём. Я ещё много плакала о своей несчастной судьбе, о своей любви к тебе, которую хотят так безжалостно разбить из-за расчета на тряпки и деньги.

Неужели это и есть – награда за мои чувства, за мою любовь к тебе?? Неужели это и есть соль моего замужества?! Тогда лучше мне было никогда не ездить в Андижан, не слушать слов о твоей вечной любви! Неужели это и есть то счастье, о котором ты мне говорил, – что я буду самой счастли-

вой женщиной в мире, что мне будут завидовать все женщины и жёны?!

О, Боже мой, какая неприглядная действительность! Как тяжело, как жутко и противно всё вокруг! Я решила привести себя немного в равновесие. Я прочла два десятка твоих писем, начиная с 31.VIII. Я ведь не глупая была до сего времени, и ты это знаешь. И вот теперь я, перечитав твои последние письма, немножко пришла в равновесие.

Любимы мой! Не может быть, что бы мы ошиблись в наших чувствах, что бы мы ошиблись друг в друге! Не права твоя мать! Что ж она хочет положить между нами пропасть?! Это будет слишком глупо и жестоко, ведь тогда мы все провалимся в эту бездну и сломаем себе головы. Тогда я сама потрясу под нами почву, чтобы мы слетели стремглав с этой крутизны, если только мать твоя подведёт нас к обрыву.

Мне очень больно!

Я перебираю в памяти все дни и годы, которые связывают нас с тобой, и мне кажется, что нет человека, который посмел бы их осквернить и перечеркнуть. Потому что в наш век слишком редко такое чувство – и вдруг алчные люди хотят его исковеркать в угоду своей жадности и корысти.

Неужели ты останешься совершенно безучастен к поступкам своей матери??! Неужели ты отдашь ей на растерзание цвет наших чувств, сад наших сердец? Неужели она должна будет своей старой костлявой рукой смять нашу жизнь?!?!

Это дико, это невероятно!!

Конечно, к матери я больше не пойду ни за какие блага – я должна буду, наконец, доказать ей свою цену, и пусть она навсегда забудет свою привычку плевать мне в лицо. Я ей не Дунька из деревни, а чуточку побольше!

Теперь я остаюсь в А-Ата, буду работать в клинике и ждать тебя в отпуск, который одновременно будет являться и началом нашей жизни или концом нашей безумной фантастической любви.

Но только об одном хочу я тебя предупредить: когда ты приедешь в А-Ата, то твой путь с вокзала должен лежать прежде всего в мой дом, в наш дом с тобой, в мою квартиру. Я имею прекрасную большую комнату в большом блоке по ул. Калинина; угол Узбекской, д. 7, кв. 3, это крайний подъезд, 2 этаж. С вокзала прямо ты можешь звонить на квартиру. Коммутатор Турксиба 2-06. Я сумею приехать за тобой с машиной или с лошадьёю. Но если ты раньше поедешь к своей матери, а затем ко мне захочешь пойти, – убедительно прошу забыть ко мне дорогу навсегда.

Отныне я делаюсь до тонкости принципиальной женой. И такого факта, как оказания первого предпочтения матери, а не жене, я тебе ни за что не прошу – предупреждаю заранее. Прежде всего ты едешь к жене, а затем к матери – этим ты докажешь свою любовь ко мне, и мать твоя сразу разберётся, какая я «наложница». Если только ты не будешь звонить мне прямо с вокзала, с поезда о том, что ты приехал, а отправишься к матери, то я молча выставлю тебя из своего ко-

ридора и закрою ключом дверь.

Отсюда вывод – убедительная просьба относится ко мне как к жене, а не как к наложнице.

О получении этого письма сообщи мне непременно, т.к. я буду вынуждена повторить своё предупреждение ещё 2-3 раза.

Крепко-крепко целую.

Твоя жена.

Твоя принципиальная и законная жена Лида».

«г. Алма-Ата

21/1.46

Родной мой Павлинька!

Сегодня твоей жёнушке пришлось выдержать такой диспут из-за тебя!

Она доказывала верность и преданность своего мужа, его любовь, его чувства. И порукой в этом диспуте мне была твоя честь, твоё большое русское сердце с благородными чувствами, которые не могут оскверниться и соблазниться красотой полек, а именно это и было основным в споре.

Нападающая сторона в лице Василия и папы доказывала мне слабости мужского пола к красоте женщин. Мол, ни один мужчина не может устоять перед красотой женщин, особенно – полек, чешек и немок.

А мы с Галиной доказывали мужчинам достоинства русских женщин, и особенно яростно – конкретные и данные

случаи-факты.

Они, например, заявляли, что я никогда не могу верить и ручаться за тебя, что 4 года разлуки совсем изменили облик сердца твоего и чувств. Что ты за это время много видывал видов и мне никогда в этом не признаешься – т.е. все твои лёгкие романы останутся для меня тайной.

Наконец, они стали меня резать в самое болезненное место: что ты не приехал за этот громадный промежуток времени (с момента окончания войны) даже в отпуск – это одно из сомнительнейших доказательств твоей верности и любви, что для тебя это – не что иное как предлог, как возможность скрыть своё лживое положение. Т.е. значит, что у тебя есть серьёзные препятствия – женщины, польки, мешающие выехать в отпуск.

И никакие мои доводы и оправдания тебя, что в отпуск ты приехать не мог ввиду массы неожиданных препятствий, не помогали. Они, смеясь, сказали, что хотят меня завести, расстроить и, наконец, узнать глубину моих чувств к тебе.

Для этого они подняли ещё один вопрос: не кажется ли мне, что я напрасно потеряла четыре года своей молодости в ожидании погоды у моря?! Не нужно ли мне уже давно было выйти замуж за другого и устроить свою жизнь?!

«Четыре года ждала, сейчас жду. И ещё буду ждать. Не каялась, не каюсь и думаю, что не придётся каяться о годах моего заточения в ожидании. Желаю, чтобы вас так любили и верили вам, как я верю своему мужу!»

«Вот это резон! Ты смотри, не прогадай!» – ответили мои противники.

«Мне интересно, что вы всё-таки хотите доказать? Ясно одно: вы толкуете, что нельзя верить мужчинам. Ха-ха, а я никому почти и не верю. И если верю своему Павлу, то только потому, что он не похож на современных мужчин – самолюблённых зазнаек, что он не похож на вас. Вот и все!»

Последние слова здорово поразили моих противников.

Итак, хотели завести меня, а завёлся больше всех Василий. А вообще весь этот разговор и диспут оставил в нас злой и горький осадок.

Я нашла нужным посвятить тебя в этот спор, так как хочу знать твоё мнение по этому поводу.

Конечно, весьма неприятно будет мне и тебе, если ты покраснеешь и в душе признаешься, что мои противники правы, как в отношении мужчин вообще, так и в отношении тебя в частности.

Тогда конечно – я спор проиграла и вынесу из всего суровый урок. Но я только что перечла твоё письмо хотя бы за 22/ХП.45 г.

«...В самые тяжёлые минуты, когда смерть была в миллиметрах от меня, я проверял себя в любви к тебе... оказывается, я прочно люблю, по-настоящему, самой огромной любовью. В трудные минуты ты была со мной, и я слышал твой шёпот...»

И поэтому я так ожесточённо отстаивала твою честь, твою

верность и твою любовь. И с гордостью заявила, что для моего Павлика мне не жаль и четырёх лет моей молодости. И я получу в награду его большое любящее сердце..

(На полях письма):

«Люблю, целую, жду.

Твой гладиатор, твоя маленькая женщина».

Письмо без даты, точнее: чернила расплылись и её не различить, как большую часть того, что написано в письме. Читаемы только некоторые абзацы. Однако по логике и по очерёдности сложенных писем, оно было написано примерно в конце января 1946 года.

«Павлик!

Милый, если ты приедешь в отпуск, то я тебя хочу предупредить о некоторых опасностях в нашем городе. Ты не улыбайся и не смейся надо мной – я не слушаю всяких кумушек, а говорю вполне серьёзные вещи, которые слышала от проверенных лиц. Подтверждающие происходящее факты проходят в том числе через наши руки – врачей в хирургических клиниках, а также работников суда, медэкспертизы. В городе невероятный бандитизм. После восьми вечера по одиночке по улицам нельзя ходить. Особенно опасно пассажирам, сошедшим с поездов с чемоданами и военным, у которых есть при себе оружие. Именно на их оружие и «объявлена охота». Так что если твой поезд придёт вечером или ночью, то я просто приказываю тебе не ехать одному домой, даже на

трамвае! Вещи оставь в камере хранения, а сам дождись рас-
света в зале ожидания военных пассажиров. Не поверишь:
десятки людей поплатились жизнями! Даже оружие, которое
было при них, не помогало: их убивали, а оружие отнимали!

Дорогой мой, умоляю, отнесись к этому серьёзно! Твоя
Лидушка не из трусливых, и если предупреждает, значит, де-
ло заслуживает внимания!..

...Павлик, неужели все письма мои за последнее время
пропали?! Я выслала в них тебе четыре своих фото! Галина
послала тебе в своём письме фото. Папа со своей женой от-
правляли тебе письма с поздравлениями. Неужели они все
пропали?! Постарайся их найти! Вдруг ты сумеешь их разыс-
кать?! Так много писем я тебе отправляла!..

Павлинька мой! Хлопчи о моём приезде! Я поеду за то-
бой не только в Польшу – к чёрту в зубы, чтобы только быть
вместе! Я не могу уже больше жить без тебя!..»

«г. Алма-Ата

24 /Л.46 года

Милый мой Мишук!

Спешу поделиться с тобой радостью. Я остаюсь работать
в А-Ата при клинике в институте!

О! Ты не можешь представить, каких трудов и нерво-
трёпки мне это стоило!

Ты только подумай серьёзно, чего я добилась! Я вырва-
лась из района – это верх моих усилий и стараний!

Завтра в 10 часов утра я еду в Уштобе за своими вещами, а с 1 февраля уже приступлю к работе в ординатуре института.

Очень жаль, что так давно нет твоих писем. Я бы хотела знать, как обстоят дела у тебя относительно отпуска?!

Милый Павлик, огорчений для нас с тобой ещё много. Конечно, тот факт, что я вырвалась из района – это уже много значит для меня и для тебя. Но на моих глазах сейчас проходит трудности одна чета супружеская, слишком аналогичны они нашим с тобой во всём.

Она врач, заканчивала институт со мной вместе летом. Правда, умудрилась сразу остаться в А-Ата. Её жених был в армии и на фронте 4 года. 15/1 он приехал в отпуск, женился на своей Мирочке и хочет забрать её с собой, но это, оказывается, просто невероятно трудно.

Он очень умно и расчётливо поступил, ещё будучи в части – записал её в своё личное дело, в удостоверение, выхлопотал литеры на неё и на мать, но недоучёл одного обстоятельства – он не взял ещё одной бумаги из части, которая теперь ему нужна как воздух. Именно та бумага, о которой я тебе писала в предыдущих письмах:

«Согласно постановлению за №... от ... за подписью И.В. Сталина. О семьях военнослужащих... Часть просит откомандировать врача... по месту нахождения и работы мужа...» Ну и так далее. Вот эта бумага есть ключ к нашему почти тюремному замку от Наркомздрава. Обращение нужно писать к Наркомздраву Казахской ССР. Неумолимое по-

становление о семьях военнослужащих! Это единственный выход.

Эту бумагу ты обязательно должен получить, потому что без неё ты не сможешь взять меня, а без тебя (если ты уедешь после отпуска в часть один) я ни за что не смогу вырваться и выехать к тебе. Я вижу, что еще ни одна женщина не сумела вырваться из лап Наркомздрава без мужа в погонах и орденах.

То есть, если ты заинтересован в том, чтобы мы были вместе, то ты должен во что бы то ни стало взять меня к себе. Иначе в противном случае мы никогда вместе не будем, я останусь в А-Ата и буду здесь учиться и работать. И ты меня прости, но я больше не смогу верить, что ты после войны, в мирных условиях, и именно в тех, в каких ты живёшь, мог бы жить платонической любовью на бумаге. Меня сейчас уже съедает ревность и сомнения по этому поводу, а если ты мне предложишь ещё на год продлить разлуку, то я расценю это по-своему, и идеализировать тебя больше не смогу.

Забери, забери меня к себе, я жить хочу, я люблю, я страдаю, я к тебе хочу, ну, неужели ты не понимаешь этого?! Ты должен меня понять!»

(На полях мелко):

«Крепко, крепко целую. Твоя Лидушка».

«Алма-Ата

2 / П.46

Дорогой мой Павлик, родной мой Лохматик!

Только сегодня приехала я из Уштобе – ездила за вещами своими.

Приехала домой и получила твоё письмо за 2/1 46. Милый, милый, а ты ничего не пишешь о встрече нашей, ни одного слова о приезде домой. Как больно и досадно.

Ты просишь написать тебе, где и как я встретила Новый год. Дорогой мой, вот уже 3 раз на Новый год я нигде не бываю. Никакой компании и никаких объяснений в любви. 1946 год я встречала дома в самом маленьком кругу своей семьи. Совсем никого не было. Мы – шесть человек: папа, мама, бабушка, Галина, Василь и я. Я писала тебе и накануне Нового года, и за 5 минут до наступления 1946 года, когда Василь налил по бокалам шампанское – за свою любовь к Галине. Я плакала, громко, много и безудержно, потому что я одна, что ты так далеко, а Василёк и Галина скрепили свои сердца долгим поцелуем. Все очень заволновались, уговаривали меня, успокаивали, а мне было невыносимо сознавать, что в очередной раз я встретила Новый год в одиночестве, вдали от моего любимого касатика. И ничего не могло развеселить меня в этот вечер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.